

ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛИ

Детскими глазами...

Семьдесят лет назад началась война. У каждого, кто ее пережил, свои воспоминания о тех страшных днях...

Беззаботное детство

До войны было ДЕТСТВО! Беларусь, военный городок Лещенцы. Первые мои воспоминания, а было мне тогда 4 годика: коммунальная квартира, но у нас целых две комнаты. Живем вчетвером: мама, папа, моя старшая сестра Валя и я.

Мама рассказывала, что когда мне было два годика, я тяжело заболела дизентерией – лежала в кроватке и все время тихонечко не то плакала, не то пищала. Никто уже не надеялся, что я поправлюсь. Однажды папа пришел со службы и сел обедать рядом с моей кроваткой. Я стала плакать и, протягивая хуленькую ручонку, приговаривала: «Дай, дай, дай». И папа накормил меня пшенной кашей, решив – пусть хоть перед смертью ребенок наестся. Однако, поев, я спокойно уснула. Пришла мама, а я молчу. Она перепугалась, особенно когда папа ей сообщил, в чем дело. Но как ни странно, после папиной каши я стала выздоравливать. Летом меня отвезли для окончательной поправки на Украину. В деревне Андреевка, что под Каменец-Подольским, жили папины родители – баба Таня, дед Петр и их дочери – Маруся и Гая. Основную заботу обо мне взял дедушка. Он был пастух и брал меня с собой «на работу». Соорудил деревянную коляску, и я целый день была вместе с ним на пастбище. Дедушка поил меня молоком от самой лучшей коровы. Если не считать коров и собаки, я была его единственной собеседницей, так что попутно дед научил меня говорить. В общем, когда приехала за мной мама, я была абсолютно здоровенькая, веселая и бойко балакала, тильки на украинской мове.

Папа был военный, и до войны мы часто переезжали с места на место. Родилась я в Гомеле, потом мы «служили» в Лещенцах, Красном Урочище, Новобелище, Осиповичах, Руде. Моя мама Анна Васильевна, как настоящая офицерская жена, была в курсе всех житейских проблем в батальоне, где папа был комиссаром, и частенько хлопотала за его подчиненных. Я со своим младшим братом Толиком и другими детьми комсостава часто приходили в лес, где в землянках жили бойцы. Землянки большущие, но в них было светло и очень чисто, нары застелены, много зелени, уютно. Бойцы, если были свободны от службы, охотно играли с нами. До сих пор помню, как один солдат подарил мне чучело белки.

Как и во всех воинских частях, в нашем полку была художественная самодеятельность, в которой участвовали и дети. Мы пели, танцевали, читали стихи. Как сейчас принято говорить, «звездой» полковой самодеятельности была наша мамочка. Она с большим успехом исполняла украинские и русские песни. Мама рассказывала, что в детском доме, где она воспитывалась, ей как «артистке», которая участвовала во всех концертах, разрешили оставить длинные косы, а не остригли под машинку, как всех остальных мальчишек и девчонок. И пела так, что уже после войны в 1949 году, когда мы жили в Горьком, ее пригласили в труппу местного оперного театра.

Жизнь в Руде текла очень быстро. Летом мы купались, загорали, играли, ходили в лес. Зимой в школу в Граево нас возили на санях, а чтобы мы не замерзли, папа давал свою казачью бурку, под которую прятался человек пять. Часть была небольшая. Жили мы дружно, как одна семья. Все друг друга знали. Дружили и с местным польским населением. Особенно легко было маме – она быстро освоила польский язык и, когда папа проводил в деревне политзанятия, мама была переводчиком. В мае 41-го года случился пожар, сгорела часть деревни. Мама чем могла помогала погорельцам. Носила еду, одежду, утешала добрым словом.

В субботу 21 июня 1941 года мама весь день хлопотала на кухне, так как на другой день в полку ожидался праздник. Мы готовили на стадионе концерт. Папа, как лихой кавалерист, должен был участвовать в конных состязаниях – рубке лозы. Вечером в солдатской столовой все смотрели кино «Если завтра война». Легли мы поздно...

«...Молчи, дочка, война»

...Просыпаюсь от грохота взрывов, папы нет, мама одевает Толика. Я тоже стала одеваться. Валя уже одета. Бежим к двери. В сенях под ногами курица с маленькими желтенькими цыплятами, мы перепрыгиваем через них, выскакиваем на улицу и видим папу, он прибежал за нами. Папа взял на руки Толика, я ухватилась за его гимнастерку. Валя держит за руку маму. Помню, я бегу рядом с папой, мне страшно. «Что это?» – спрашиваю я папу. «Молчи, дочка, война». А что такое война? Моему детскому уму это непонятно. Война – это страшно – да? Разве мы можем умереть – это не может быть. Нас обязательно спасут, ведь есть Сталин. Что же, мы никому не нужны – этого не может быть? Весь ужас войны еще не доходит до меня. Я боюсь, но еще не понимаю чего. И, конечно, не думаю, что меня или кого-нибудь могут убить.

Мы бежим к лесу, там укрепления, доты, землянки. К папе подбегает посыльный и что-то говорит. Папа передает Толика бойцу, а сам убегает к штабу. Нас отводят в укрытие, где мы с другими семьями провели несколько часов. Затем за нами пришли, и мы все идем к штабу. Тихо – взрывов нет. У штаба стоит полуторка. Мы с мамой бежим домой за едой и одеждой, а Валя с Толиком сразу залезают в купзов. Посыльный передает им теплые одеяло и кое-какое белье в наволочке – это наш папа позаботился. А сам он уже в это время был на передовой.

Все семьи комсостава отправили в крепость Осовец. По дороге нас обстрелил немецкий самолет. Спасло то, что у него, наверное, кончились патроны, а две бомбы, которые он сбросил, разорвались, не задев нас. Самолет летел так низко, что я запомнила на всю жизнь лицо летчика в больших авиационных очках-консервах. Потом такие лица я видела в кино. А рев самолетов до сих пор пугает меня. Я живу рядом с г. Жуковским, аэродром недалеко. В крепости, в больших бункерах, построенных задолго до революции, мы просидели до вечера. Немцы постоянно бомбили крепость, и только к ночи все стихло. Пришел нацифин и выдавал какие-то документы, справки. От него мы узнали, что папа жив.

Мы идем по тихому, ночному военному городку в сторону железной дороги. Там стоял состав, собранный из теплушек. Залезаем в вагон, где полно народу, так что не продохнуть. Мама заталкивает нас в угол. Из окошка видно зарево. Говорят, что горит спичечный завод в Белостоке. Все молчим и, по-моему, не дышим, так было страшно. Как через много лет рассказал мне папа, он в это время бегал вдоль состава и безуспешно пытался нас найти. Поезд тронулся, и папу я смогла увидеть только через три года. Мы в пути, мы едем в тыл, где нет выстрелов, где нас не убьют...

В вагоне я сижу тихо-тихо и про себя шепчу, что всегда буду слушаться маму, богу молиться я не умела. Мы были агентами. Хотя дедушка меня крестил тайком, когда я была маленькая и жила в деревне. На рассвете приехали в Белосток. На вокзале – народу не протолкнуться, все рвется в вагон с вещами. Почему-то запомнилась женщина, тащившая оцинкованную ванночку, набитую какими-то вещами. Крик, гам, плач. Поезд стоит, вот-вот налетят самолеты. Нет машиниста, он сбегал от страха. Наконец нашли другого, и поезд тронулся. Тихо, со скрипом, но едем.

Потом налетели самолеты, поезд остановился в поле, немцы кружат, строчат из пулеметов, мы выскакиваем, бежим в пшеницу, ползем, лежим, а самолеты, как коршуны, над нами пролетают и поливают нас трассирующими пулями – страшно! Однажды после очередного налета все забрались в вагон, а я не успела. Поезд тронулся, я бегу рядом по шпалам, не плачу, не кричу, а молча бегу рядом с набирающим ход составом. Мама бегет в истерике, но ничего сделать не может – у нее на руках маленький Толик.

Доехали до Баланды Саратовской области. Там мы немного опомнились, впервые за 9 дней войны, надели чистое белье, собранное хорошими людьми для беженцев. Меня мама постригла на-

Тамара Антоновна Бринская, 2011 г.

Мои папа и мама. 1928 г.

Я с сестрой Валей (справа) на руках у папы, 1937 г.

состав, хватает меня в охапку и бросает в вагон. Еле-еле успел сам запрыгнуть. Мама плачет, прижимает меня. Все трое ее детей с ней: я – Тамара – 10 лет, Валя – 12 лет, Толик – 3 года.

После этого случая наша мудрая мамочка сказала: «Все, больше бегать не будем». Когда были налеты, все выбегали, а мама прятала нас под нары. Однажды я не успела спрятаться, и трассирующая пуля задела пальцы левой руки. Я от боли выскочила из вагона и побежала. Мама велела Вале, как только пролетят самолеты, догнать меня, повалить и лежать до тех пор, пока она не прибежит с Толиком. И опять я осталась жива. А потом боец Алешин помог перебраться нам в другой вагон, где ехали семьи командиров из нашей части. А в тот вагон, где мы были прежде, попала бомба, и он сгорел...

В Минске на нас опять налетели немецкие самолеты. Ехали мы уже на открытых платформах – теплушки сгорели. Все убежали, а мы остались, так как не могли оставить Валу. Она была в нервном шоке – уснула, и разбудить ее мы не могли двое суток. Мама накрыла нас собой, и мы ждали, что будет, вдруг откуда-то налетели наши «ястребки» и отогнали немецкие самолеты. Так в очередной раз бог, судьба или наш ангел-спаситель уберег нас от гибели. Мы в этой мясорубке остались живы.

«Отдай папу!»

Доехали до Баланды Саратовской области. Там мы немного опомнились, впервые за 9 дней войны, надели чистое белье, собранное хорошими людьми для беженцев. Меня мама постригла на-

голо, так как мои волосы клочками поседели, как потом объяснил папе военный врач, на нервной почве. Ходила я как пегая корова – клочок черный, виски белые. После этого я стала носить косынку, так как дети меня дразили седой.

Тогда все думали, что война быстро закончится разгромом фашистов. Поэтому мы поплыли по Волге в Рыбинск с женой офицера из нашей части. В Рыбинске жили ее родители. Думали, что так папе будет легче нас найти. Но Рыбинск сильно бомбили и мы вернулись в Баланду. В военкомате сначала не хотели давать нам бумаги на проезд, так как никаких документов у нас не было. Мама показала фото нашего папы в военной форме, где на обороте была надпись: «Личность батальонного комиссара Бринского Антона Петровича заверяю» с подписью начальника штаба и печатью. Военком недоверчиво повертел фотографию и спросил маму: «А как вы докажете, что это ваш муж?» И тут Толик, сидевший на руках у мамы, протянул руку и закричал: «Отдай папу!» Это решило дело – военком улыбнулся и тут же выправил нам проездные документы.

В октябре мама решила увезти нас подальше от войны в Сибирь. С нами поехала тетя Нина, жена офицера из нашей части. У нее была грудная девочка, кормить ее было нечем – у тети Нины не было молока, и ее дочка умерла. А сын ее остался под немцами в Минске.

Через 15 суток приехали в Тулун Иркутской области. В Сибири уже была зима, а у нас с Валей на ногах сандалики. Мама с тетей Ниной сняли комнату. Потом Толик сильно заболел и мама легла с ним в больницу. Видно, детский организм не выдержал таких испыта-

Командир партизанской бригады особого назначения полковник Бринский в тылу врага, 1943 г.

ний. После бомбежек он перестал говорить, никогда не оставался один, боялся, когда где-то грохотало, прятался. Я была его нянькой, играла с ним, успокаивала, носила на плечах, когда он, наступив в костер, обжег ножки. В больнице Толик умер. В морг пошла я, чтобы одеть его. Он лежал маленький, среди больших тел, хуленький и головка его была забинтована, у него болеи ушки. Похоронили его на окраине Тулуна. Я стояла у края могилы и смотрела, как засыпают землей моего любимого братика. Я не плакала – разучилась. После бомбежек стала как деревянная, и такое состояние потом не проходило несколько лет. Теперь, как только я слышу об Иркутске, вспоминаю своего братика Толика.

Мы остались втроем. Мама устроилась работать, тетя Нина – тоже. А мы с Валей сидели дома. Только на следующий год мы с сестрой пошли в школу. Нам дали одни валенки и одни унты. Тетя Нина ушла жить ближе к работе, она была поварихой на бойне. Мама стала работать официанткой в столовой, мы переехали в центр, на улицу Ленина, 16. Хозяйка квартиры была учительницей. Жили мы в прихожей, отгороженной ширмой. Там стояли две кровати: одна взрослая и одна детская и маленький столик у окна. Хозяйка была строгая. Разговаривать громко нельзя, шуметь – тем более, ходили на цыпочках. Валя убирала весь дом, а я носила воду. Мы полотили огород, убирали во дворе. Главной же моей обязанностью было отovarивать хлебные карточки. Очереди были длинные, стояли подолгу. Ждали, когда привезут хлеб, затем лезли по деревянной лестнице к двери магазина, толкались так, что я часто летела вниз, потом молча карабкалась в свою очередь. Росту я была маленького, в маму, несмотря на свои 10 лет, выглядела как первоклассница.

Училась я хорошо, слушалась маму беспрекословно, как обещала во время бомбежек. Летом ходили в тайгу собирать грибы, голубику. Валя часто уходила к подругам учить уроки и рассказывала, как сытно они живут, а мы голодали, особенно первый год. Мама собирала хозяйские картофельные очистки, мыла их, прокручивала через мясорубку, сушила, и это у нас называлось – «гречневая каша». Я собирала травки, коренья и варила суп. Весной 1942 года нам дали участок земли – 10 соток. Мы с Валей вскопали его и осенью были с картошкой и капустой. Можно было жить.

Как-то осенью 1943 года мама с Валей возвращались из леса, где собирали грибы. На опушке они столкнулись со знакомой женщиной, и та спросила: «Анечка, как твоя фамилия?» Мама сказала: «Бринская». «В военкомат пришла телеграмма, тебя ищет муж». Мама побежала к военкому и ей дали телеграмму: «Разыскивается семья Бринского». Радости не было грани, нас все поздравляли, потом стали приходить письма от папы и его товарищей-партизан. Было радостно и страшно, шла война. Вдруг папа погибнет, вдруг что-то случится. Сердце замирало. Когда ходили в тайгу за грибами, я загадывала желание: быстро найду гриб – папа жив. Ждали, ждали и дождалась. В мае 1944 года папа приехал за нами. Мама поехала встречать его на вокзал, мы с Валей не выдержали и тоже на «попутной» телеге решили поспеть к поезду, но разминутись и вернуться назад. Помню, светило яркое солнце, а на крыльце стоял наш папа с Золотой Звездой Героя Советского Союза и орденами. Мы с сестрой стелели с телеги и бросились к нему.

Мама накрыла стол. Мы уже в это время жили в коммунальной квартире. В одной комнате жило две семьи: нас трое и еще женщина с дочкой. Папа привез много продуктов, которыми его снабдили в Москве. Сели за стол, а я по наивности говорю: «Это можно есть, а не смотреть?» Я забыла об этом, а папа вспоминал всю жизнь.

Дочка «дяди Пети»

До Москвы мы ехали в купе, и не 15 суток, а всего 7 дней. На Казанском вокзале сели на электричку и приехали в Косино. Папа снял там комнату у бабы Мани. Это была деревенская дородная бабуса. Ее сын погиб, и жила она одна в доме из шпал. До войны сын построил этот дом из старых шпал (награда за хороший труд). Хотел жениться, но не успел.

Папа часто ездил по служебным делам в Москву. Иногда он брал меня с собой. Видно, одному ему было ездить тоскливо. А я как бы успокаивала его. Ехали молча, я только прижималась к нему, было ощущение покоя и тепла, как теперь говорят, хорошая аура окутывала нас. Когда папе надо было идти в разведуправление, он сажал меня в скверике у метро «Кропоткинская». Однажды я подошла к забору, где была стройка Дворца Советов. Заглянув в щель, увидела кру-

гом горы развороченной земли, доски, балки, бревна, и все залито водой. Когда построили Храм Христа Спасителя, я 9 мая поехала к храму. Выйдя из метро, вспомнила это место, этот сквер. Зашла в храм, написала записку об упокоении папы, мамы, Толика, их родителей, а также дяди Вани, маминого брата. Я его очень любила. Потом сидела в скверике и все вспоминала, вспоминала...

Метро во время войны было пустынное, можно было спокойно разглядеть человека на другом конце платформы. Часто, бывало, ждем с папой поезд и вдруг слышится возглас: «Бринский» или «дядя Петя», или «товарищ комиссар». Если «Бринский» – это довоенные друзья по военной службе. Если «дядя Петя» – это украинские партизаны. Если «товарищ комиссар» – белорусские партизаны. До сих пор жалею, что не прислушивалась к их беседам – отходила в сторону, чтобы не мешать. Они вспоминали друзей, иногда вытирали набежавшие слезы.

В Косино наш дом был как перекладочная база на пути к партизанской даче, которая тоже располагалась в этом поселке. Так мы узнали всех, с кем партизанил наш папа. Саша Перевышко, Грина Бурханов, Борис Гиндин – все хотели познакомиться с семьей «дяди Пети». Потом папу послали учиться в Солнечногорск на курсы «Выстрел». Пока он учился, закончилась война.

День Победы 9 мая 1945 года – самый счастливый день. Войны нет, мы живы, папа жив, мама ждет ребеночка. Счастье, счастье, но на глазах были слезы. Мы стеснялись с Валей бурно радоваться, так как у наших близких друзей, с которыми мы познакомились в Косино, Алика, Володи и Майи Хахановых, погиб отец, погиб у Коли Пеклецкого, у Тольки Романова – погиб. На салют Победы мы поехали в Москву, на Красную площадь. Вся Москва бурлила, кто пел, кто танцевал, а кто-то горько плакал.

После войны

В августе 1945 года папу назначили служить в г. Горький, и у него уже был билет на вечерний поезд, а утром у мамы начались схватки. В совхозе дали полуторку, и папа повез маму в роддом на станцию Сортировочная, там и родился наш братик Антоша. Был он рыженький и папа сказал: «В мою партизанскую бороду». Потом Антон потемнел и стал, как все мы, темноволосым.

Папа получил квартиру в Горьком на улице Грузинской. Я пошла в 7-й класс, Валя – в 10-й школы №9. По окончании школы поступила в Московский институт физкультуры, на кафедру лечебной гимнастики. И вот уже 55 лет работаю врачом лечебной физкультуры на груди. Мы с сестрой стелели с телеги и бросились к нему.

После смерти папы мы с сестрой и братом часто ездили на встречи с его боевыми друзьями, о которых он писал в своих книгах «По ту сторону фронта», «Боевые спутники мои», «О друзьях-товарищах». Помню, как после прочтения его первой книги, вышедшей в 1954 году, я спросила у папы: «Почему у тебя так много героев?» На что он ответил: «Это еще мало, их было намного больше».

В 1990 году с Валей поехали в Белоруссию, чтобы посетить места, где папа воевал. Удивительно, но многие жители деревень, в которые мы приезжали, помнили те времена и даже узнавали партизан, которые были с нами.

Тамара БРИНСКАЯ
Фото из архива автора